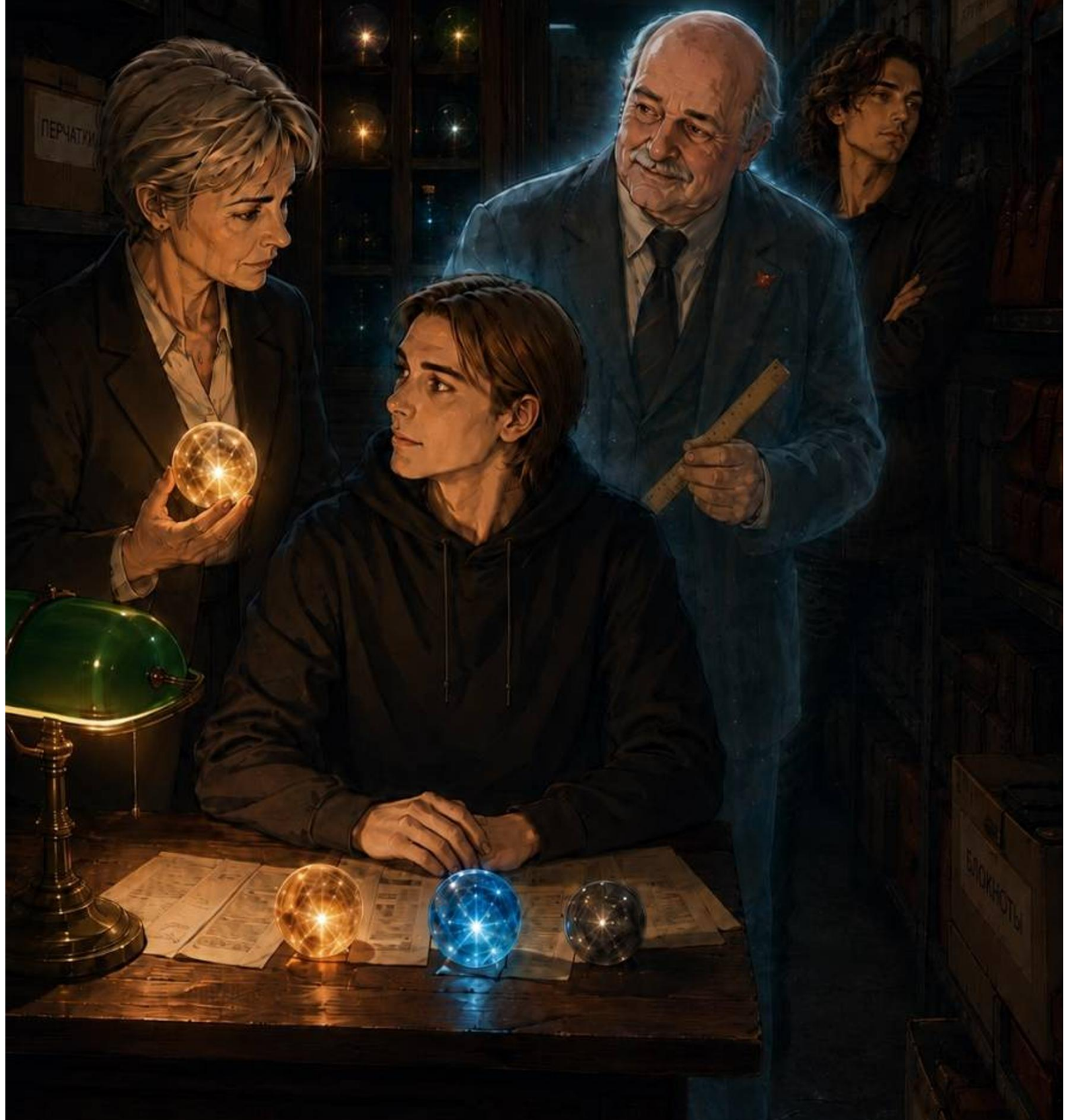

Леденёва Анна
Диспетчер
потерянных вещей

Анна Леденёва

Диспетчер потерянных вещей

«Автор»

2026

Леденёва А. С.

Диспетчер потерянных вещей / А. С. Леденёва — «Автор», 2026

Если вы когда-нибудь теряли зонт, перчатки или просто хорошее настроение – добро пожаловать в камеру хранения потерянных вещей екатеринбургского метро. Там работают студент-логист, инженер ну очень старой закалки, молчаливый дежурный и начальница с суровым взглядом. Остальное – как у всех: чай, отчёты и попытки разобраться с собственной жизнью.

© Леденёва А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Диспетчер потерянных вещей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Леденёва

Диспетчер потерянных вещей

Диспетчер потерянных вещей

Будильник зазвонил в 22:30. Игорь, не глядя, мазнул по экрану рукой, отложив сигнал на 10 минут, и сонным взглядом уставился в потолок. Неважно, во сколько звенит эта чёртова штука: в шесть утра или ближе к полуночи, всё равно бесит. Недовольство было неискренним, скорее, ритуальным: проснулся в буднее утро, а в его случае поздний вечер – будь добр, излучай недовольство. На самом деле Игорь выспался и был даже не против идти на работу. Кто бы мог такое предположить полгода назад, он сам – точно нет.

Видимо, в прошлом году Игорь вёл себя не очень хорошо, потому что после новогодних праздников дедушка Мороз в лице владельца магазина, в котором он работал в ночные смены, подарил ему увольнение. Правда, такая же безрадостная участь постигла не только всех сотрудников, но и самого владельца: небольшой круглосуточный магазинчик не вынес тягот капиталистического рыночного соревнования и сдался под напором сетевых конкурентов. Игорю было жалко терять эту работу, потому что большую часть своих смен он мог залипать в сериалы, лишь изредка отвлекаясь на покупателей, которые зачастую сами были удивлены, что оказались здесь в середине ночи.

Игорь посмотрел на экран: 22:35. Времени у него предостаточно, хватит и принять душ, и приготовить завтракоужин – он до сих пор не решил, как это правильно называть. Виктор Палыч предложил официально-нейтральное – «первый приём пищи». Он тогда из вредности сказал, что за сутки, как минимум, второй, но тоже без былого злорадного огонька.

Отодвинув плотные, не пропускающие даже самый яркий солнечный свет шторы, Игорь посмотрел в густые вечерние сумерки. Их расцвечивали тёплым светом фонари и светящиеся окна в таких же двухэтажных сталинках, как и его. То есть не его, конечно. Квартиру он снимал вместе с таким же горемыкой-студентом, как и он сам. Их совместное проживание лучше всего характеризовалось фразой: «Ванька дома – Маньки нет, Манька дома – Ваньки нет», потому что сосед работал днём. Пожалуй, так было даже удобнее: платишь половину квартплаты, а живёшь фактически один. Тем более что Игорь успел занять непроходную комнату.

Идеальный план сборов был провален после того, как Игорь за кофе залип в сериал. В итоге на выходе из квартиры он одновременно пытался надеть толстовку и влезть в кроссовки. По-хорошему, нужно было бы ещё взять зонт, потому что сибирское лето – штука коварная, но он его, естественно, забыл.

Ему повезло: погода стояла замечательная, а на их тихой, тонущей в зелени улочке Энтузиастов, название которой его до сих пор умиляло, почти не было слышно гула машин, только шуршала листва и бормотали телевизоры из открытых окон. Но, даже начнись ливень, всё равно не страшно: до метро ему семь минут быстрым шагом и ещё четыре станции до «Площади 1905 года». Под площадью подразумевалось не место, откуда в светлое будущее смотрел Ильич, а станция метрополитена, где он и работал.

Игорь дошёл до станции и спустился в прохладу метро. В вагоне он устроился у двери, достал наушники, не упуская десятиминутную возможность послушать музыку. Три минуты их распутывал, потом столько же выбирал песню. Он был на втором припеве, когда приятный женский голос объявил нужную станцию. На ходу пряча наушники в карман, Игорь вышел на платформу и огляделся, как будто не видел это место каждый день.

Через десять минут, в полночь, метро прекращало свою работу. Основную работу. Людей на станции уже не было, и от этого нахождение здесь ощущалось совсем по-другому, не так,

как в толчее обычного времени. Казалось, с каждой минутой пустоты зал разрастался, вбирая в себя воздух и захватывая новое пространство. Роскошные люстры не горели, и только светильники между порталами давали жёлтый, приглушённый свет. Красный гранит порталов в их отблесках казался почти чёрным, белый мрамор стен – серым. Колонны вырастали и уходили ввысь, подпирая теряющийся в полумраке свод. Мозаики на стенах размылись полутьмой, и угадать их и без того абстрактные сюжеты становилось невозможно, зато вместо этого можно было придумать свои. Иногда в выложенных камнях поблёскивали, словно юркая ящерица вильнула хвостом, каменные прожилки кварца, яшмы, агата и других самоцветов. И везде – звук метро: жужжание вентиляции и низкочастотный шум трансформаторных подстанций, сливающиеся в единый, монотонный гул, который можно заметить, только если он прекратится.

Игорь под угрозой никогда больше не смотреть сериалы не признался бы, каким живым он чувствовал себя в эти мгновения. Здесь, глубоко под землёй, наедине с огромным пустым пространством, разом растворялись раздражение на себя и других, недовольство от мелких бытовых неурядиц и даже злость от того, что всё идёт не так, как хотелось. Или шло.

Но не всё сразу было так радужно. Когда Игорь вспоминал время поиска работы, его пробивала нервная дрожь. Бесконечное листание ленты с одними и теми же вакансиями, которые предлагали стать оператором в колл-центре, доставщиком в жёлтой куртке или, улыбаясь, спрашивать, нужен ли соус к картошке. Он не был мизантропом, но работа в сфере обслуживания подходила ему примерно так же, как ветровка сибирской зимой. От безысходности происходящего он не пытался расширять поиск, а, наоборот, хотел свернуться комком, надеясь, что всё как-то само наладится. Ничего, конечно, не налаживалось. Скромные накопления становились ещё скромнее, а квартплату и, что самое главное, плату за обучение никто не отменял.

За прошедший январь Игорь уже не один раз успел подумать, что идея идти на платное была плохой. Ладно бы оно того стоило, и стать логистом путей сообщения было его заветной мечтой. Конечно, нет. Для поступления на бюджет в мало-мальски приличное место баллов у него не хватило, но родители были категорически настроены всеми правдами и неправдами дать единственному сыну высшее образование. Но всё больше неправдами, потому что достаток в их семье был довольно скромным. Поэтому Игорь и выбрал очно-заочное направление в универе путей сообщения, чтобы было свободное время для работы. Времени, действительно, оказалось много, потому что на парах он появлялся под настроение, которого у него никогда не было. Всё это привело Игоря к мысли, что он понятия не имеет, что делать со своей жизнью. Он понимал, что в двадцать лет это умозаключение не блистало оригинальностью, но легче от этого не становилось.

В конце января он сидел на кухне, завернувшись в плед, потому что отопление опять барахлило, и в очередной раз предавался безрадостным мыслям, листая вакансии. И тут он увидел её. Обычно в художественной литературе после этих слов следует встреча с любовью всей жизни, но это было даже лучше: Игорю попало описание работы, отличающееся от всего, что он видел раньше. Он нажал «откликнуться» раньше, чем дочитал описание. И только потом углубился в подробности.

Вакансия: Ночной диспетчер камеры хранения потерянных вещей (метрополитен).

Крупнейшее транспортное предприятие города приглашает ответственных сотрудников на вакансию «Ночной диспетчер камеры хранения потерянных вещей».

Требования:

умение работать с бумажным документооборотом (составление отчётности);

стрессоустойчивость (возможны нестандартные ситуации с посетителями);
ненормированный рабочий график: основные смены – ночные, но возможен выход в дневное время.

Обязанности:

приём, учёт и временное хранение вещей, потерянных пассажирами;
сортировка поступивших предметов по категориям согласно внутренней инструкции;
периодическая инвентаризация фонда (проверка сохранности предметов, их состояния, своевременное списание утративших ценность объектов);
заполнение отчётной документации.

Условия:

график работы: 5/2 (ночные смены с 00:00 до 06:00). Идеально подходит для студентов вечерних отделений, совмещающих учёбу с работой;
официальное трудоустройство по ТК РФ, соцпакет;
заработная плата: 55 000 руб. (выплаты два раза в месяц);
бесплатный проезд на метро (служебный пропуск);
место работы: станция метро «Площадь 1905 года» (служебная часть, режимная зона, доступ строго по пропускам).

Будет плюсом:

опыт работы в архивах, библиотеках, музеях или любой другой опыт систематизации материальных и нематериальных ценностей;
знание истории города и интерес к краеведению;
способность находить общий язык с разными категориями граждан (в том числе в нестандартных эмоциональных состояниях).

Особые условия. Работа предполагает взаимодействие с предметами, требующими особого, бережного отношения. Соискатель должен понимать, что каждая потерянная вещь может представлять ценность для своего владельца. Мы ищем человека, который будет относиться к чужим потерям с уважением и вниманием.

Шестичасовой рабочий день, ночная смена и приличная зарплата сделали вакансию потенциальной работой мечты. Правда, в архивах, библиотеках и музеях он не то что не работал, вообще почти не бывал, а интерес к краеведению и умение находить общий язык с людьми отсутствовали у него как явление. С другой стороны, всё перечисленное было в особых условиях, а не в обязательных требованиях, так что сойдёт.

И Игорь стал ждать. В первую неделю отсутствие звонка он объяснял себе тем, что метрополитен – государственная организация, а там ничего быстро не делается. Во вторую – тем, что кандидатов на такую лакомую должность откликнулось немало, надо ещё всех прособеседовать. К третьей неделе он прошёл все стадии от отрицания до принятия того, что ему не перезвонят, и добавил пятую – разочарование, всеми силами стараясь отодвинуть панику. Делать было нечего, и пришлось возвращаться к выбору между работой оператора службы поддержки и курьера. Он склонялся ко второй: по дороге можно слушать музыку.

Двадцать второго февраля в одиннадцать часов вечера раздался звонок с незнакомого номера. Он поборол в себе желание его сбросить и поднял трубку.

– Вы всё ещё планируете прийти, молодой человек? Если нет, то было бы хорошо сообщить об этом заранее, – строго произнёс голос, по ощущениям принадлежавший женщине за пятьдесят.

У него был плохой день, плохой месяц и весь этот год в целом, поэтому вместо стандартного «вы ошиблись номером» Игорь решил не скрывать накопившееся раздражение:

– Я, безусловно, сообщил бы, что не приду, если бы знал, с кем вообще разговариваю. Так что было бы хорошо, – эти слова он повторил за неизвестной собеседницей с особой едкостью, – вначале представляться, а потом предъявлять претензии.

Возникла пауза. На том конце виртуального провода начали понимать, что разговор пошёл не по плану.

– Титов Игорь Дмитриевич?

– Да, – больше вопросительно, чем утвердительно ответил он. Но мало ли сколько в Екатеринбурге его полных тёзок.

– Студент третьего курса очно-заочного направления менеджмента отделения логистики Уральского государственного университета путей сообщения?

– Да, – всё больше недоумевая, подтвердил Игорь.

– Так что ж вы мне голову морочите, молодой человек? У меня всё записано: Титов Игорь, собеседование, двадцать первое февраля, 23:00.

– Сегодня двадцать второе, – неизвестно почему начал оправдываться Игорь.

– Вы вообще решили не приходиться?

– Да куда я хотя бы не пришёл?

– Как куда? На собеседование на должность ночного диспетчера службы потерянных вещей, конечно. Так что вы ответите? Мне так-то есть чем заняться, кроме как вас уговаривать.

Игорь начал сомневаться в собственном рассудке: он был абсолютно уверен, что ему до настоящего момента так никто и не перезвонил, а о собеседовании вообще речи не шло. Вся эта ситуация выглядела крайне подозрительно. Это потом он узнает, что всё перепутал Виктор Палыч. Отношения со временем у него были крайне размытыми. А в моменте Игорь разрывался между желанием не упустить вожаемую должность и боязнью быть распроданным на органы. Во втором случае надо договориться, чтобы его хотя бы взяли в долю.

– Еду.

– Поторопитесь, молодой человек, метро закроется в полночь.

Игорю очень хотелось сказать, чтобы его перестали называть молодым человеком, но строгая собеседница уже отключилась.

Он пронёсся через комнату соседа, который уже собирался ложиться спать.

– Ты чего? – крикнул Вадик ему вслед.

– Опаздываю на собеседование, – ответил Игорь, стараясь собираться быстрее, отчего всё, естественно, получалось медленнее.

– Куда хоть идёшь? – спросил сосед, когда он пробежал уже в обратном направлении.

– Возьмут – расскажу, – он не стал распространяться, больше из нежелания выглядеть придурком, намотал шарф и хлопнул входной дверью.

У него было стойкое ощущение, что ему просто не суждено добраться до места. Он сразу же, не отходя от подъезда, поскользнулся, одновременно умудрившись подвернуть ногу и порвать джинсы на коленке. И даже не знал, что хуже: потеря скорости или непрезентабельный вид, в котором он предстанет перед работодательницей. Хотя налетающая с разных сторон выюга постоянно срывала с него капюшон и так разлохматила волосы, что переживать за впечатление, которое он произведёт, было бессмысленно. Вообще-то, Игорь, которому надоело отплёвываться от неизвестно как вылезавших из хвоста на малейшем ветру волос, обрезал их чуть ниже ушей ещё осенью. Но это не помогло.

Потом на него начал зло гавкать подкармливаемый всеми жильцами, в том числе и им самим, Тузик. Вот это было по-настоящему обидно.

К моменту, когда Игорь доковылял до вагона метро, он был уверен, что сейчас выключится свет, и они никуда не поедут. Но, видимо, на сегодня неприятностей с него было достаточно, и все четыре станции пронесли без приключений.

Выйдя на «Площади», Игорь осознал, что понятия не имеет, куда идти. Он уже доставал смартфон, когда заметил, как к нему идёт женщина лет шестидесяти в мешковатом деловом костюме.

– Игорь? – спросила она с видом «всё понятно».

Он кивнул.

– Наталья Викторовна, начальница смены. Пройдёмте со мной, молодой человек, – и, не дожидаясь ответа, развернулась и пошла обратно.

За стеной торца платформы находился коридорчик шагов на десять, от которого направо и налево расходились четыре кабинета без опознавательных знаков. В конце была дверь, выглядывавшая гораздо старше остального среднеофисного интерьера. Выкрашенная в тёмно-зелёный цвет, с уже облупившейся краской, зато с латунной табличкой, гласившей: «Камера хранения потерянных вещей. Особые условия хранения». Наталья Викторовна открыла её большим ключом, которым долго и громко лязгала в дверном замке. Наконец, дверь со скрипом сдалась, и Игорь зашёл внутрь, с интересом оглядываясь по сторонам.

В архиве он никогда не был, но представлял его себе именно так. На потолке на металлических тросах – две линии тусклых ламп дневного света. Они слегка мерцали, навевая мысли о недавно просмотренном ужастике. Вдоль стен и в центре рядами стояли металлические стеллажи. На полках как-то неравномерно, через раз, были наклеены старые бумажные номера. На них вразнобой стояли бежевые и серые картонные коробки с крышками и прорезями для рук по бокам. Тут фантазия Игоря, взращенная на многочисленных сериалах, подкинула образ полицейского архива, в котором хранятся улики. Но в этих коробках вещи были явно не такими интересными: на ближайших он смог различить надписи: «зонт ручной», «перчатки парные», «блокноты».

Вдоль левой стены стояло массивное, старого дерева бюро, вызывающее диссонанс со стеллажами и канцелярско-советского вида папками. Уголок неожиданной роскоши дополнили вращающийся стул на витой ножке и лампа с металлическим зелёным абажуром. И только сумев привыкнуть к освещению, в дальнем углу, куда свет попадал чисто номинально, Игорь заметил двустворчатый шкаф со стеклянными дверцами – явный ровесник бюро. Ему показалось, что внутри что-то едва заметно светится, но стёкла были то ли резные, то ли пыльные, а скорее всё сразу, так что разглядеть содержимое не получилось.

– Что, молодой человек, готовы работать? – Наталья Викторовна села за бюро, а Игорь, на которого сидячих мест рассчитано не было, по-простому на неё облокотился.

– Что вы меня просто так, без собеседования возьмёте?

– Ну, расскажите о себе.

Чёрт его за язык дёрнул, он ненавидел формальные представления. Поэтому вся его скудная биография с учёбой и предыдущей работой уместилась в две минуты.

– Это я и из вашего резюме знаю. Ответьте-ка на пару вопросов: помочь или пройти мимо?

– При чём здесь...

– Просто отвечайте.

– Помочь, конечно.

– Любите общаться с людьми?

– В обычной жизни – не очень.

– А по работе?

– Люблю, то есть могу.

– Рутинная работа или нестандартные задачи?

– Сочетание приятного с полезным.

– А вот это хорошо, – сама себе кивнула Наталья Викторовна. – И последний вопрос: когда готовы приступить?

– Да хоть сейчас.

– Прекрасно, считайте, у вас началась стажировка. Если всё устроит, то через две недели берёте документы и приходите оформляться по этому адресу, – она написала несколько строк мелким, убористым почерком и протянула листок Игорю. Пока он пытался расшифровать название улицы, Наталья Викторовна уже встала, подошла к двери и взялась за ручку.

– Подождите, я понимаю, что раскладывать зонтики по коробкам – дело нехитрое, но может, хотя бы какой-то инструктаж проведёте?

– Конечно, и не какой-нибудь, а подробный, вы потом и расписываться будете, что с ним ознакомлены. Но проведёт его Виктор Палыч, ваш напарник, – она посмотрела на висящие на стене часы, которые показывали без трёх минут двенадцать. – Будет в полночь, он никогда не опаздывает. И мой вам совет: не стоит слишком сильно удивляться, молодой человек, – она скрылась за дверью раньше, чем Игорь успел сказать, что у него вообще-то есть имя.

В ожидании пока что неизвестного Виктора Палыча, Игорь подошёл к ближайшему стеллажу и приоткрыл неподписанную коробку. Внутри

лежала маленькая фигурка стеклянного лебедя, казавшаяся очень печальной из-за огромного, по сравнению с ней, пустого пространства.

Игорь аккуратно достал лебедя и попытался рассмотреть в тусклом, мигающем свете.

– С бьющимися предметами надо поаккуратней, а лучше их вообще без дела не доставать. Ценность, конечно, невелика, но, случись что, объяснительную и форму списания потом замучаешься писать, – рядом с Игорем стоял пожилой грузный мужчина, с обрамлённой пушащимися волосами лысиной и щеточкой усов. На нём был деловой костюм с галстуком, по виду ещё советский. Он слегка хлопнул себя ладонью по лбу, хотя никакого звука не последовало, и представился, – Виктор Палыч.

– Я не услышал, как вы вошли. Игорь, – он быстро сунул лебедя обратно в коробку, чтобы протянуть ладонь для рукопожатия, но она так и зависла в воздухе: дверь, отсутствию скрипа которой Игорь удивился, смутно просвечивалась через Виктора Палыча. Как и всё остальное. Игорь дёрнулся, врезавшись в стеллаж. От удара коробка полетела вниз, крышка отскочила и раздался грустный «дзынь». С бетонного пола на него укоризненно смотрела отколовшаяся голова лебедя. Остальная часть рассыпалась на мелкие осколки.

– Молодой человек, – укоризненно протянул Виктор Палыч.

– Игорь, – машинально поправил он.

– Игорёк, за стеллажами кладовка, там возьмишь веник и совок. Я б тебе помог, да сам видишь, – он поднял руку, через которую нежно рассеивался свет лампы. – Осколки смети, а голову оставь, мы её к форме списания прикрепим. Вот с её составления мы стажировку и начнём.

Игорь подметал, постоянно отвлекаясь на лезущие в лицо пряди волос. Веник был реальным, постоянно втыкаясь какой-то щепкой ему в ладонь, а вот с одобрением наблюдающий за ним Виктор Палыч – не очень. У Игоря с детства была отложенная реакция на стрессовые ситуации, поэтому пытаться запить корвалол (или что там ещё он от бабушки слышал), стараясь не расплескать воду трясушимися руками, он, видимо, будет позже. А пока что он слушал, как Виктор Палыч хорошо поставленным голосом рассказывал о себе.

– Коробкин Виктор Павлович. Я в метрострое с конца семидесятых, когда всё только начали планировать. Сначала в проектно-институте чертежи портил, но быстро понял, что не моё это – в кабинете сидеть. Вот и перебрался в «Свердловскметрострой». Сначала просто прорабом был, потом – старшим, а там и до главного инженера строительного управления дорос. Первые тоннели своими глазами видел, первые вагоны принимал, эскалаторы проверял перед монтажом. Запуск первой линии планировали в восемьдесят седьмом, потом перенесли

на восемьдесят девятый, потом на девяностый. Стройка – дело долгое, тем более метро, это тебе не просто выкопать да залить. Только обидно получилось: до открытия я так и не дотянул. В девяностом, прямо на работе, сердечко прихватило, да и остановилось. А я-то сразу и не заметил, если честно. Встал, пошёл, как обычно, тоннели проверять. Когда вернулся, смотрю: сижу я в кресле, а вокруг люди суетятся. Всего полгода не дожил. Метрополитен в апреле девяносто первого открыли, без меня. То есть я там был, но кто ж меня увидит. Вот такие дела.

– Подождите, – Игорь выпрямился и посмотрел на Палыча, – как кто увидит, а я? Может я тоже умер, под вагон свалился и не заметил? Хотя как такое можно пропустить?

– Игорёк, ты живее всех живых, не глупи. Просто видеть, – он замялся, подбирая слова, а потом развёл руками, – меня и всякое другое мало кто может. Это редкая врождённая штука, или есть, или нет, как ушами шевелить. Наталья такое сразу замечает, поэтому тебя и приняли. А то уже третий месяц ищем подходящего работника, с ног сбились.

– А что с предыдущим, тоже? – он неопределённо махнул рукой в сторону Виктора Палыча.

– Да что ж тебя заело. Жив он, здоров, просто в другой город переехал к невесте. А у тебя невеста есть?

Игорь сразу почувствовал атмосферу похода к бабушке в гости, но не дал отклониться от животрепещущей для него темы:

– Нет. А под «всяким таким» что имеется ввиду?

– За мной, – с интонацией «На абордаж!» сказал Виктор Палыч и подплыл, аки лебёдушка, к шкафу, стоящему в самом углу. – Открывай.

Игорь потянул на себя двустворчатые дверцы, и изнутри разлилось разноцветное сияние. На трёх массивных полках стояли стеклянные ящички, в которых лежали самоцветы, излучающие ареолы света. У него в мыслях тут же промелькнула усыпанная камнями из-под Серебряного копытца крыша кокованиного дома.

– Ну вот, Игорёк, это и есть твоя работа. А то, что на стеллажах – это из невостребованного, просто надо же где-то всё это хранить.

– Можно? – спросил Игорь, вопросительно глядя на камни, но тут же вспомнил о печальной лебединой судьбе.

– Можно, – усмехнулся Виктор Палыч, – эти не разобьёшь.

В другой ситуации Игорь бы с гордым видом сказал: «Спасибо, уже не хочется», – но хотелось, да ещё как. Камней было немного: больше всего – пять штук – тёмно-синих сфер, пульсирующих фиолетовым светом, а вот маленький, но очень яркий золотистый камешек вообще был один. Некоторые ящички стояли пустыми.

Он выбрал один из трёх приглушённо-зелёных самоцветов, тут и там расцветенных нежно-салатовыми прожилками. Ощущение было странным: Игорь держал его в руке, но совершенно не ощущал веса. Зато внезапно накатило чувство тоски, но не беспросветной, а возвышенно-поэтической, так что сразу захотелось идти вдоль набережной в расстёгнутом пальто под пронизывающим ветром. В голове всплывали строчки песни, исполняемой под гитару.

– Внезапное желание уехать в Питер. Сейчас поменьше стало, зато весной как подснежники собирать можно, каждую неделю кто-то теряет. Если не вернуть, то со временем угасают и превращаются в обычную бытовую усталость, как эти, – Палыч показал на кучку серых камней с еле заметными белыми разводами, которые почти не светились.

Игорь вернул камень на место, потому что он не знал, как в Питере, а на Урале ходить зимой в расстёгнутой верхней одежде чревато воссоединением с почившими кумирами.

Следующим он достал тот самый единственный золотистый самоцвет с множеством граней.

Игорь понял, что это беспорядок. Мигающие лампы, местами отсутствующие номера на стеллажах, запылённые дверцы шкафа. А сколько ещё работы накопилось за трёхмесячное отсутствие сотрудника?

– А вот это редкость – воля к труду. Такое добро утеряно почти целым поколением, жалко если пропадёт. Надо будет вернуть.

Пульсирующий тревожно-алым светом камень пробудил воспоминания, к которым Игорь старался не возвращаться. Восьмой класс, май, вокруг разлито ощущение приближающейся свободы. Они с Олеськой по очереди пинают жестяную банку, лениво обсуждая, чем займутся на каникулах. Она жмурится от бьющего в глаза света и толкает его в плечо на шутовское предложение ответственно читать все книги из списка на лето.

– Ностальгия по первой любви.

Игорь мотнул головой, отгоняя ненужное.

Оставшуюся часть ночи Игорь перебирал камни, то испытывая в конце зимы осеннюю хандру, то внезапную любовь ко всему вокруг, от которой он чуть не прослезился. Виктор Палыч рассказывал ему не только о сферах, но и о формах отчётности, делая упор на последнее.

– Вообще, Игорёк, твоя работа будет заключаться в том, чтобы вернуть сферы тем, кто их потерял.

– Подкрадываешься, бросаешь и бежишь?

– Если б всё было так просто. После потери чувства его место постепенно начинает исчезать. Чем больше времени прошло, тем сложнее вернуть сферу, поэтому человека нужно подготовить и настроить на нужный лад, иначе ничего не выйдет.

– То есть я ещё детектив и психолог на полставки? Что-то в вакансии этого не было указано.

– Всё там было, просто слегка завуалировано, чтоб в глаза не бросалось. Я же её сам составлял. Тем более, у нас в ведомости есть специалист, который может разузнать что-нибудь про нужного человека, чтобы было понятно, что у него случилось и как помочь.

– И как найти счастливого, а в нашем случае, наверное не очень, обладателя в городе-миллионнике?

– В «горячо-холодно» в детстве играл? Значит, принцип знаешь.

Под утро Виктор Палыч выдал Игорю ключ от кабинета (ну, как выдал, показал, где лежит, потому что с манипуляциями предметами у призраков было не очень) и сказал, чтобы завтра, то есть сегодня, не опаздывал. Когда через двадцать минут Игорь подходил к дому, у него было ощущение, что он выбрался из кроличьей норы. И больше всего его волновал вопрос, не как он в неё попал, а была ли она на самом деле.

Проспав до трёх часов дня, он пошёл на кухню делать себе кофе, а потом расхаживал туда-сюда с кружкой, пока напиток не остыл, обдумывая случившееся. Игорь решил, что это полный бред, и, в лучшем случае, на нём использовали какую-то технику внушения. Поэтому на «Площадь 1905 года» он больше ни ногой. Приняв решение, он пошёл досматривать сезон успокаивающего сериала. А когда наступило одиннадцать часов вечера, отложил ноутбук, оделся и, костеря себя последними словами, отправился к метро.

Сейчас, по прошествии четырёх месяцев, первые метания вспоминались с приятной ностальгией. На входе в кабинет его поджидал Анар, дежурный по станции, который, как и Игорь, мог «шевелить ушами». Даже небрежно облокотившись на стену и ссутулившись, он больше всего напоминал натурщика, глядя на которого творцы эпохи Возрождения создавали свои шедевры. В обязанности Анара входило не только следить за порядком, но и собирать потерянные сферы. Сегодняшний улов был в виде кристально прозрачного камня, внутри кото-

рого кометами носились разноцветные искорки. Игорь повертел его в руке, вспомнив, как первый раз, в апреле, увидел подобный.

– Это, Игорёк, обязательно надо вернуть.

Игорь с опаской взял в руки сферу с хаотическим движением искр внутри, потому что не все чувства одинаково прекрасны. Виктор Палыч учил его абстрагироваться от чужих эмоций, но получалось пока не очень. Он почувствовал резкий прилив вдохновения, будто бурление пузырьков со словами и идеями: рифмы уральской осени, воодушевление от вида заводских труб. Он положил сферу обратно. Пропускать через себя переживания других людей было интересно, но утомительно и с ощущением лёгкого диссонанса: даже воспоминания о весеннем солнечном дне или семейном празднике отдавали чем-то чужеродным.

– Потерянное вдохновение. Вот сколько идей внутри носится. Так что ноги в руки, сферу в карман – и отправляйся на поиски.

– Ночь на улице. Вероятность того, что нужный нам человек сейчас дома, велика, что он спит – ещё выше. Что мне делать с этой информацией?

– Всё предусмотрено. Выдвини нижний правый ящик.

Игорь так и сделал:

– Я рассчитывал увидеть нечто вроде волшебной палочки, не меньше, – он разглядывал обычный по виду ключ от домофона.

– Это, Игорёк, волшебный ключик, он дверь в любой подъезд открывает. Так что иди с миром, пока новую отмазку не придумал.

К этому моменту Игорь уже официально был принят в штат, так что делать было нечего, пришлось идти. Видимо, как новичку, ему повезло, и лежащая в кармане куртки сфера не только нагрелась, но и завибрировала всего лишь через час его ночной прогулки на улице Крылова. Если бы ему не пришлось постоянно петлять между домами, определяя направление, как по термокомпасу, он добрался бы сюда меньше, чем за полчаса. Спасибо и на том, что не родной Орджоникидзевский район почти на другом конце города.

Он стоял перед обычной пятиэтажной панелькой. Чувствуя себя вором-рецидивистом, Игорь прижал ключ к домофону. Дверь пиликнула и открылась. Нужная квартира с обитой дерматином дверью располагалась на втором этаже. «79», – гласили цифры со стёршейся позолотой. Получалось, на этом его сегодняшняя миссия была закончена, и пора было возвращаться.

По ощущениям, он уже выполнил и перевыполнил свой план, так что с удовольствием подкрепил бы силы чаем с печеньем, отдыхом и порцией похвалы в свой адрес. Но Виктор Палыч и зашедшая на огонёк Наталья Викторовна так не считали. Первый сразу начал рассказывать о тонкостях заполнения формы ОС-57 «Об обнаружении субъекта, подлежащего возвращению утраченной им сферы чувств № 57». Вторая проверяла, как он рассортировал уже имеющиеся сферы, комментируя каждый просмотренный ящик и через слово перемежая всё это обращением «молодой человек». Игорь вспыхнул и напомнил, что у него есть имя, даже уточнил, какое именно. Наталья Викторовна, вероятно, хотела ответить в своей привычной официально-саркастической манере, начав фразу с «молодого человека», но в пылу праведных начальственных чувств оговорилась и назвала его «молодым Игорем». Виктор Палыч хохотал так, что пошёл рябью. Начальница махнула на них рукой, забрала добытый Игорем адрес и оставила его сражаться с формами отчётности.

Следующая ночная смена прошла в ожидании, а уже днём ему позвонила Наталья Викторовна, и рассказала, что в 79-й квартире живёт пенсионерка, Каверина Лидия Ивановна.

– 1950-го года рождения. Начала работать на Уральском заводе тяжёлого машиностроения учётчицей, параллельно заочно училась в техникуме. В 1971-ом году стала нормировщицей в цехе. Всё время работы была участницей литобъединения при Уралмаше. В середине 1990-х была сокращена и до пенсии работала учителем русского и литературы в школе. С этого

момента печаталась всё меньше, а с выходом на пенсию – перестала совсем, – вводила начальница его в курс дела. – Так что, ты, Игорь, – он от неожиданности закашлялся кофе: всё-таки первый раз слышал своё имя от Натальи Викторовны, – временно студент-филолог, который пишет курсовую о заводской поэзии, и ему требуется интервью автора.

– Наталья Викторовна, а отгул за ненормированный рабочий день мне будет?

– Будет, но это обсудим позже. А сейчас я скину тебе её номер, звони договаривайся о встрече, – и отключилась.

Игорь, конечно, для проформы поворчал про себя на начальство, которое эксплуатирует молодые кадры, но поэтессе позвонил. Лидия Ивановна ответила, что поболтать с молодым симпатичным студентом, а она по голосу слышит, что Игорь именно такой, она не против в любое время, хоть сегодня.

Делать было нечего, пришлось собираться и мчаться на работу за сферой, а потом на randеву, попутно купив упаковку эклеров и букетик гиацинтов у бабушки на выходе со станции метро.

«Круговорот цветов среди бабушек в природе», – подумал Игорь.

Чуть больше, чем через час, он уже стоял у обитой дерматином двери и нажимал кнопку звонка. Ему открыла невысокая сухопарая старушка в очках в роговой оправе с высокой причёской и с большой, с ладонь, янтарной брошью в виде птицы.

– Здравствуйте, молодой человек, – улыбнулась Лидия Ивановна.

Он поморщился, как от зубной боли:

– Лучше просто Игорь.

Он был приглашён на кухню, где уже дожидался чайник, чашки, розетки с вареньем и вазочка с печеньем. Он скромненько пристроил эклеры с краю стола и сел, а Лидия Ивановна принесла вазу и поставила в неё гиацинты. Цветы были такими яркими и жизнерадостными, как будто вся сила весны сосредоточилась в хрупких стеблях и лепестках. Игорь досадливо щёлкнул по сфере, лежавшей в кармане, чтобы унять расшалившееся вдохновение.

Лидия Ивановна, разливая чай, расспрашивала, как обстоят дела на филфаке. Игорь самозабвенно врал, что Гомер, Данте и Гёте (все имена, которые он вспомнил) утратили былую привлекательность, да и поднадоели уже, если честно, а вот производственная заводская поэзия – незаслуженно обделённый вниманием пласт советской литературы. Поэтому он, как истинный уральский патриот, решил исправить эту ужасную несправедливость и написать курсовую, которая прольёт свет на работы заводских писателей и поэтов, а потом и дипломную, и кандидатскую, и, наверно, вообще понесёт эти знания в массы. Тут он понял, что понесло его, и быстренько закруглился, попросив Лидию Ивановну рассказать о своём творчестве.

– Не думаю, Игорь, что мои стишки для чего-то хороши, разве как маркер времени. Но, если уж вы интересуетесь, то позволю себе удовольствие рассказать. Я начала писать, как только пришла на завод. Раньше труд и творчество не разделяли, наоборот поощряли, так что меня быстро приняли в заводское литобъединение. Мы собирались не только в ДК, но и своим кружком, где придётся: какое помещение свободное, там и творческий процесс. Были и токари, и фрезеровщики, и инженеры, и библиотекарьша из проходной. Писали про то, что было вокруг. Про ребят из ПТУ, которые сначала боялись станков, а потом становились мастерами. Про девушек-крановщиц, которые с высоты видели весь цех как на ладони. После смен читали друг другу, спорили до хрипоты. Печатались, конечно: в заводской газете «За тяжёлое машиностроение», в городских альманахах, даже в «Уральского рабочего» попадали. Хорошее было время, казалось, что можно сделать всё и ещё немного сверху. Молодость, что тут скажешь.

Потом 90-е, тут стало не до стихов. Цеха закрывались, людей сокращали, меня, например. Так что до пенсии я учителем русского языка и литературы дорабатывала. В это время и не такие смены профессии бывали.

Игорь сам не заметил, как под рассказы Лидии Ивановны выпил две чашки чая и съел всё варенье из ближайшей к нему розетки. Когда он шёл сюда, из планов у него было только как оправдываться перед коллегами, что ничего не получилось. Стихи пенсионерки про работу на заводе, когда его самого ещё и в проекте не было – не та тема, которая могла бы его заинтересовать. То есть, он так думал. А сейчас поймал себя на мысли, что, наверное, немного завидует Лидии Ивановне: найти своё дело и так в него верить удаётся не каждому. Но предаться меланхолии слишком сильно у него не получилось, потому что женщина продолжала рассказ:

– А ещё пришёл к нам молодой парень с первого цеха и стал читать стихи про звёзды, про небо. Так-то красивые, но я молодая была, на язык острая, вот и говорю ему: «У нас тут звёзды разве что от сварки. Ты не на свидании, на заводе, вот о нём и пиши». Он сразу обиделся, конечно, а через месяц принёс стихи про плазменную резку, и у него действительно хорошо получилось. Потом переехал в Петербург, но письма и оттуда нам прислал.

Лидия Ивановна, как будто помолодевшая во время своего рассказа, вздохнула и пригубила остывший чай:

– Но всё это, Игорь, больём поросло.

– Сейчас вы не пишете?

– Не о чем. Раньше само собой получалось, потому что жизни вокруг было так много, что она просто не вмещалась в меня, приходилось избыток выплёскивать на бумагу, – улыбнулась женщина. И, хотя я и никогда не была великим поэтом, кое-какое тщеславие во мне присутствовало: я же печаталась. А видеть своё имя даже в самой местечковой газете дорогого стоит. Сейчас даже и не знаю, какие журналы-то есть. Так что, Игорь, старость не в морщинах, во всяком случае, не только в них.

– Лидия Ивановна, а вы слышали про сетевые издания? – Игорь мысленно поблагодарил маму, которая в прошлый приезд домой пыталась заставить его прочитать несколько рассказов любовного характера как раз из какого-то интернет-журнала. Отступить родительницу заставила только взаимная просьба ознакомиться с Лавкрафтом.

Женщина заинтересовалась, поэтому Игорь стал живописать, как любой, независимо от возраста, пола, рода занятий и того, как давно он вышел на пенсию, может найти подходящее издание и заинтересованную публику. Действительно, мало ли сколько есть ностальгирующих пенсионеров, с удовольствием готовых вспомнить молодость, или, чем чёрт не шутит, настоящих филологов.

– Вы же умеете пользоваться интернетом? – он понял, что сморозил глупость раньше, чем закончил говорить.

– Игорь, я старая, а не ископаемая, – возмутилась Лидия Ивановна. – Существование онлайн-журналов – это очень интересно, но с отсутствием у меня вдохновения они ничего поделать не в силах. У меня сейчас очень однообразный досуг: походы на рынок, чаепития с подругами, прогулки по парку, встречи с родственниками. Из интересных событий только поездка в тур по Золотому кольцу. Я очень долго её планировала, всё не решалась. В моём-то возрасте.

– Лидия Ивановна, вы прибудняетесь, у вас жизнь насыщеннее моей. У меня в промежутках между учёбой и работой Золотого кольца не было. А насчёт вдохновения, сейчас попробуем: вот что вам больше всего запомнилось в поездке?

– Ох, Игорь, не жалко вам своего времени. Но слушайте, раз спросили. Суздаль. Я как будто попала в декорации к русским народным сказкам. Белокаменные стены, зелёные луга...

Игорь наливал себе очередную чашку чая, потому что Лидия Ивановна вошла во вкус повествования и останавливаться явно не собиралась. Но его отвлекло движение в кармане. Стараясь сделать вид, что ничего не происходит, он накрыл ладонью сферу, которая уже не просто двигалась, а безостановочно вибрировала. Он хотел сжать её сильнее, чтобы как-то урезонить разволновавшееся вдохновение, но сфера просто прошла сквозь его руку и ткань

толстовки, зависнув над столом. Судя по отсутствию криков «Что это?!» и последующих хватаний за сердце, Лидия Ивановна ничего не заметила. А вот шар с сумасшедше быстро мелькающими искрами внутри на Лидию Ивановну явно обратил внимание. Он плавно подлетел к ней, остановился, как будто присматриваясь, а потом растворился сияющий мягким светом, окутавшим женщину. Она замолчала на полуслове и прижала ладонь к груди.

Игорь резко подался вперёд:

– Лидия Ивановна, с вами всё в порядке?

– Да, – медленно ответила женщина, рассеянно переводя взгляд. Она немного помолчала, будто уйдя в себя, а потом удивлённо посмотрела на Игоря, – пожалуй, даже очень хорошо, я бы сказала прекрасно. Какие необыкновенные гиацинты ты нашёл. Я даже не сразу обратила на них внимание.

На часах было уже пять вечера, когда он ушёл от Лидии Ивановны. После внезапного воссоединения хозяйки с её вдохновением, Игорь был ангажирован на поиск сетевых изданий, подходящих ей по содержанию, настроению и контингенту. А потом пришлось ещё разбираться, как подавать в них заявки. На его робкие предложения искать информацию по мере необходимости и написания новых шедевров, приободрившаяся Лидия Ивановна сказала, что стихи будут, а вот с заявками ещё пойдёшь разберись. Делать было нечего, пришлось разбираться.

По дороге домой Игорь обдумывал прошедший день. Получалось, что сегодня после ночной смены у него образовалась внеочередная дневная, а через семь часов нужно опять быть на работе. Естественно, потребуются отчёты. Учитывая, сколько всего рассказала ему Лидия Ивановна, процесс их написания грозил затянуться. В общем, Игорь как мог пытался настроить себя на недовольный лад, но с предательски появлявшейся улыбкой поделаться ничего не смог. Возможно, к ночи сама исчезнет.

Сфера, которую Игорь сейчас держал в руках, отличалась: от неё исходил тускло-жёлтый свет, а искры внутри на вид казались грузными и неповоротливыми.

«Наверное, вдохновение современного русского прозаика», – подумал он и зашёл в кабинет.

На часах было 00:01, поэтому всегда появлявшийся вовремя Виктор Палыч был уже на месте. Игорь приготовился к регулярно прослушиваемой лекции «Одна минута – тоже время», но её не последовало.

– Игорёк, ты посмотри, сделали наконец! – и показал на потолок, откуда заливали всё ровным, немигающим светом, новенькие лампы.

С ними неожиданно произошла целая эпопея. Игорь никогда не отличался излишним трудовым рвением, но желание обновить освещение появилось у него в первую же смену – шесть часов под постоянным миганием, никого не могли оставить равнодушным.

Сразу, конечно, обратились к Наталье Викторовне, но та, первый и последний раз на памяти Игоря смутившись, ответила, что уже писала заявки, но ответа пока не последовало. Под чутким руководством старшего коллеги к борьбе за освещение присоединился и Игорь: он писал обращения во все инстанции, в которые можно и в которые нельзя. и в которые нельзя тоже. Он, о ужас, даже лично ходил разбираться в одну из них. После этого, ночью, полулёжа на бюро, стенал, что этого не должно было с ним случиться раньше семидесяти лет и что он унесёт эту тайну с собой в могилу. Виктор Палыч подбадривал его, как мог, рассуждая, что пункт с могилой может взять на себя, ему всё равно несложно. Так что появление новых ламп было событием хоть и местного масштаба, но огромной значимости для их небольшого коллектива.

– Надо позвать Наталью Викторовну на победный чай, – Игорь подошёл к шкафу, чтобы положить сферу с тяжеловесным вдохновением. Виктор Палыч подплыл поближе и, чуть приподнявшись в воздухе, заглянул из-за его плеча, потому что призрачным ростом был ниже

Игоря. Он провёл ладонью рядом со сферой, но искры внутри даже не всколыхнулись, хотя обычно вдохновение было взбалмошной субстанцией и реагировало даже на дуновение ветра.

– Может не будем возвращать? А то понапишут чернухи всякой, – понизив голос, заговорщически предложил Виктор Палыч.

Игорь медленно повернулся и посмотрел на коллегу недоумённым взглядом и сжал и без того узкие губы. Вообще-то, он, как мог, старался не улыбнуться: главный поборник отчётности прятал взгляд как нашкодивший школяр.

– Ну не нравится мне, когда всё плохо и все страдают. Можно и умно писать, и с юмором. Зощенко, например, почитать можно, Ильфа и Петрова, даже заводскую поэтессу, которой ты сферу возвращал. Ты когда её стихи из интернета зачитывал, мне понравилось: красиво, сильно, жизнеутверждающе. Сразу понятно, человек старой закалки.

– Виктор Палыч, как называется использование служебного положения в личных целях?

– Игорь продолжал делать суровый вид, для достоверности скрестив руки на груди.

– Ну, какие же они личные, где ты тут выгоду увидел-то, Игорёк? – заюлил призрак.

– Выгода в подавлении чужой творческой энергии в угоду личным предпочтениям.

– Да это я шуткую помаленьку. Конечно, отдадим всё до последней искорки. Пусть пишет на здоровье. А ты читай, тоже на здоровье.

– Я сказал, что нужно вернуть. Про то, что я буду потом это читать, ни слова не было,

– ухмыльнулся Игорь и пошёл ставить чайник.

– Вот бессовестный ты... – Виктор Палыч попытался подобрать подходящее определение для коварного коллеги, но вдохновение в их кабинете было только в сферах, – Игорь. Будешь бегать три дня его искать, а потом ещё столько же уговаривать. Тонкие, страдающие натуры – они такие.

– А может получится как с Фархадом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.